

ЭРИН
НАЙТЛИ

Знакомый
незнакомцу

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н20

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Karen Hawkins

THE TAMING OF A SCOTTISH PRINCESS

Перевод с английского И.Г. Ирской

Компьютерный дизайн С. П. Озеровой

Печатается с разрешения издательства
Pocket Books, a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Найтли, Эрин.

Н20 Знакомый незнакомец : роман / Эрин
Найтли ; [пер. с англ. И.Г. Ирской]. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-105256-0

Когда-то еще мальчишкой Бенедикт Хастингс завел переписку с Эвелин, сестрой школьного друга, — и скоро это стало для него единственной отрадой. Прошли годы, и однажды судьба подарила им встречу..

Прекрасная молодая вдова Эвелин и блестящий джентльмен Хастингс обречены на любовь с первого взгляда — это несомненно. Однако пылкая страсть может им дорого обойтись: Бенедикту угрожает опасность, и враги вполне способны нанести удар в самое сердце, лишив его той единственной, которая стала смыслом его жизни...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Erin Rieber, 2012

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-105256-0

Пролог

Эйлсбери, Англия, 1804

Леди Эвелин Мур замедлила шаг и в последний раз оглянулась, перед тем как скользнуть в редко посещаемый музыкальный салон восточного крыла. Поспешно прикрыв дверь, она улыбнулась. Слава Богу, что удалось пробраться сюда незамеченной. Учитывая количество комнат в принадлежавшем семье огромном загородном доме, у нее вполне хватит времени, до того как ее найдут, чтобы прочитать только что прибывшее письмо брата. Гувернантка, мисс Уайт, конечно, будет недовольна, но ей давно следовало бы усвоить, что Эви не сможет до-терпеть до конца уроков.

Почти подбежав к залитому солнцем диванчику у окна, она плюхнулась на теплые бархатные подушки. Ей не терпелось узнать все о последних приключениях Ричарда, и, хотя тот уехал в Итон всего два месяца назад, казалось, прошло целых два года! Без постоянного товарища по играм и всяческим проделкам жизнь в Хартфорд-Холле казалась намного скучнее. Не то чтобы она предпочитала оказаться в любом другом месте земли. Но, поскольку остальные три сестры

были слишком малы, чтобы принимать их всерьез: ни одна уважающая себя одиннадцатилетняя девица не станет играть с трехлетними и четырехлетними малышами, — а местные жители были неизменно сдержанны и почтительны с дочерью маркиза, особенных развлечений ждать не приходилось. Оставалось дожидаться прибытия почты или ежедневных уроков верховой езды.

Но сегодняшнее письмо заставило забыть обо всем. Сломав печать, Эви развернула письмо, все еще холодное после путешествия на осеннем ветру, и разгладила ладонью сгибы. Подобрала ноги и стала вчитываться в каждое слово.

Но уже через несколько секунд ее радостное возбуждение уткло, как вода из треснутой чашки. Брезгливо наморщив носик, Эви отбросила письмо. Честное слово, если она прочитает хотя бы еще одну восторженную похвалу в адрес его нового друга, то просто завопит от досады!

Эви злобно смотрела на оскорбительный листок бумаги, исписанный знакомым неряшливым почерком, где то и дело повторялось ненавистное имя.

Хастингс.

Ричард упомянул о мальчишке в первом же письме из школы... что-то насчет его умения держаться в седле. После этого брат расхваливал его чаще и чаще, а уж в этом письме... ничего, кроме «Хастингс то» да «Хастингс это»...

Можно подумать, ей интересно!

Не может же этот Хастингс быть Ричарду лучшим другом, чем она, родная сестра! Между ними всего два года разницы, и Ричард был ее самым близким другом, пока... пока не уехал в школу. Эви не могла припомнить

того дня, когда они разлучались больше чем на полчаса. Постоянно были вместе... наверное, со дня ее рождения.

И вообще, кем он себя вообразил, этот Хастингс?!

Эви вскочила, выбежала из комнаты, промчалась по коридору и поднялась в свою спальню. Радуясь, что не встретила с мисс Уайт или, того хуже, с мамой, она поспешила к письменному столу, вынула чистый листок бумаги, окунула перо в доселе неоткрываемую чернильницу с красными чернилами и медленно, обдумывая каждое слово и стараясь писать как можно красивее, начала:

«Дорогой мистер Хастингс!

С сожалением сообщаю вам, что у моего брата уже есть лучший друг. Мне совершенно безразлично ваше умение стрелять и скакать верхом. Кроме того, уверяю, что вы просто не можете быть лучшим наездником, чем я. Поэтому буду очень признательна, если оставите Ричарда в покое».

Она перечитала послание и, найдя его вполне пристойным, подписалась, тщательно сложила письмо и запечатала клейкой облаткой. Снова окунула перо, на этот раз в более приличествующие случаю черные чернила, и начертала одно слово: «Хастингсу».

И поскольку уже написала письмо брату, просто добавила постскрипtum с просьбой Ричарду отдать письмо другу.

Что же, на этом дело можно считать законченным.

Но две недели спустя прибыло письмо, написанное незнакомым почерком и адресованное леди Эвелин. С трудом дождавшись окончания уроков, Эви помчалась наверх, к себе, захлопнула дверь и уселась на сиденье-подоконник.

Письмо оказалось не таким уж коротким:

«Дорогая леди Эвелин!

Прежде всего, как преданный друг вашего брата, должен сказать, что позволяю обращаться ко мне просто по фамилии. Надеюсь, вы, в свою очередь, позволите мне назвать вас «Эви», поскольку благодаря бесчисленным рассказам Ричарда думаю о вас именно как об «Эви».

Во-вторых, спешу подчеркнуть, что Ричард вполне волен выбирать себе друзей. Как обнаружилось, мы прекрасно ладим, и я не считаю, что должен отказаться от нашей дружбы, особенно из-за жалоб младшей сестры Ричарда. Как я уже говорил, мы стали лучшими друзьями.

В-третьих, поскольку Ричард здесь, в Итоне, а вы пребываете в загородном поместье, вряд ли с вашей стороны благородно пытаться лишить его друзей. Я, со своей стороны, желаю ему иметь столько знакомых, сколько ему нравится.

И наконец, я уверен, что вы очень хорошо держитесь в седле... для девушки, разумеется.

Ваш покорный слуга
достопочтенный Бенедикт Хастингс».

От такой наглости у Эви сам собой открылся рот. Ах, маленький хореk! Намекает на то, что она, которая любит брата больше всего на свете, пытается лишить его друзей!!! И от заявления насчет того, что он и Ричард уже лучшие друзья, Эви затошнило.

«Дорогой Хастингс!

Вы все не так поняли. У Ричарда может быть сколько угодно друзей. Вам всего лишь нужно знать, что лучший

друг у него уже есть. Как вам известно, мне уже одиннадцать лет, и я вполне могу понять, когда надо мной издеваются.

С наилучшими пожеланиями
леди Эвелин Мур, НЕ Эви».

«Дорогая Эви!

Теперь я вижу, что не так вас понял, когда вы написали (цитирую): «Буду очень признательна, если оставите Ричарда в покое». Видите ли, у меня чересчур живое воображение. Вот я и решил, что вы требуете оставить Ричарда в покое. Прошу меня извинить.

И готов предложить компромисс. Я остаюсь его другом (лучшим или каким ему будет угодно), пока он находится на территории Итона. В остальное время предоставляю его вам. Надеюсь, вам это кажется достаточно справедливым?

С надеждой жду вашего ответа.
Как всегда, ваш самый покорный слуга
Хастингс».

«Дорогой Хастингс!

Прекрасно! Только постарайтесь не навещать Ричарда в каникулы. Кстати о Ричарде: он пишет, что вы едва не провалили экзамен по английской литературе. Какая жалость! Предлагаю вам проводить меньше времени за глупыми спортивными играми и больше — за уроками.

И перестаньте называть меня Эви!
Леди Эвелин».

«Дорогая Эви!

Спасибо за заботу о моих занятиях. Но оснований тревожиться нет. Я сдал экзамены и вернусь в следу-

ющем семестре, чтобы составить компанию своему лучшему другу Ричарду. Как ваш пони Лютик? Надеюсь, вы последнее время чаще выводите его на медленную, спокойную, как это подобает истинным леди, прогулку?

Хастингс».

К величайшему изумлению Эви, не прошло и нескольких месяцев, как она стала нетерпеливо ждать писем Хастингса. С годами его едкое остроумие не раз заставляло ее громко смеяться, и она часами сидела за письменным столом, сочиняя насмешливо-иронические послания. Хастингс никогда не медлил с ответами, и она считала его одним из наиболее надежных корреспондентов.

И тут письма перестали приходить.

После почти пяти лет постоянной переписки эта река писем неожиданно пересохла. Около двух месяцев от Хастингса не было ни слова. Ни единой крошечной записочки. Это показалось Эви положительно грубым и крайне необычным.

Сидевшая на диване в розовом салоне Эви, потянувшись к окну, смотрела на дворецкого. Яркое солнце отражалось от лысины Финнингтона, ожидавшего, пока одетый в темное всадник вручит ему почту.

Почему, когда сильно волнуешься, время замедляет бег?

Эви нетерпеливо барабанила пальцами по колену, мысленно вынуждая мужчин пошевелиться.

Если уж быть до конца честной, она в таком состоянии, что не допускает мысли о том, что письма от Хастингса может не оказаться. Если же все-таки... она не знает, что сделает.. но уж сделает обязательно. Противный, жестокий, равнодушный мальчишка! *Она*

по крайней мере пять недель назад послала ему очень милое письмо, поздравляя с восемнадцатилетием. В отличие от него! Уж она не дождалась ничего подобного на *свой* день рождения.

Который приходился как раз на сегодняшний день!

Эви раздраженно выдохнула и обмякла на сиденье. Хастингс наверняка должен послать ей что-то в честь ее шестнадцатилетия. Ему просто немыслимо поступить иначе!

Наконец парадная дверь со скрипом приоткрылась, и Финнингтон, шаркая, направился к салону. Эви поспешно выпрямилась и схватила книгу, притворяясь, будто читает, а на деле считая каждый шаг дворецкого. Когда тот остановился на пороге и откашлялся, Эви подняла голову с безмятежной, вопрошающей улыбкой на губах.

— Да?

— Письмо для вас, миледи. От лорда Рейли, — поспешил пояснить он, и в глазах промелькнула тень сочувствия, прежде чем взгляд стал привычно бесстрастным.

Дьявол!

Дьявол, дьявол, дьявол! Она непременно убьет Хастингса — смерть от словесной порки!

Сжав губы в нечто напоминавшее, как она полагала, улыбку, Эви взяла письмо Ричарда и подождала ухода Финнингтона. Благодарение Богу за преданность и осмотрительность старого дворецкого. Ей ужасно стыдно уже от того, что он знает, как отчаянно она ждет письма от Хастингса. Она не вынесет, если кто-то еще заподозрит...

В ту секунду, когда за Финнингтоном закрылась дверь, она от нетерпения едва не разорвала письмо, торопясь поскорее его распечатать, и наскоро пробежала глазами, выискивая упоминание о Хастингсе. Ничего. Ни единого слова. Что, в конце концов, происходит?!

Вскочив, она метнулась к маленькому письменному столу, примостившемуся в углу, под внушающим почитительный страх портретом деда, папиного отца, чей суровый, обвиняющий взгляд впивался прямо в Эвелин, пока та раздумывала, что лучше написать.

— О, не смотри на меня так, — пробормотала она, шаря в ящичках в поисках бумаги и пера. — Насколько мне известно, он сам на это напрашивался.

«Дорогое, отвратительное, жалкое, ничтожное подобие ложного друга!

Прошло почти четыре недели с тех пор, как вы в последний раз окунали перо в чернила, чтобы ответить мне. И вот теперь вы официально отказались помнить о моем дне рождения. Да, я уверена, вы считаете себя крайне занятым, и очень взрослым, и важным теперь, когда оканчиваете учебу в Итоне, но думаю, следует добавить к списку слово «грубый», если требуется наиболее точно описать ваше нынешнее поведение.

Вы должны согласиться, что обязаны кое-что мне объяснить. И если я не получу письма до того, как мы приедем на церемонию выпуска, вы жестоко об этом пожалеете. Неужели вы так хотите, чтобы наша первая встреча стала встречей врагов? Думаю, нет. Так что вам лучше сразу приниматься за ответ. Я буду следить за почтальоном, затаив дыхание, и надеюсь прочитать достойное внимания объяснение вашей преступной небрежности.

Ваша разгневанная
Эви.

P.S. Только сейчас мне в голову пришла мысль, что вы нервничаете, боясь проиграть в скачке, которую мы хотели устроить. Не волнуйтесь, тем более что мама решительно запретила мне везти с собой Эпону. Можете

продолжать верить (скорее, заблуждаться), что вы — лучший наездник, хотя когда-нибудь я надеюсь доказать обратное».

Итон. Виндзор, Англия, 1809

Ему следовало предвидеть...

Бенедикт Хастингс бросил письмо на стол так порывисто, что пламя свечи заколебалось. Ему следовало догадаться, что решение ничего не писать Эви только ухудшит дело.

Деревянный стул протестующе скрипнул, когда Бенедикт резко откинулся на спинку и в отчаянии потер глаза. Это безумие. Через неделю его жизнь перевернется вверх дном, а он все еще не нашел способа или хотя бы подходящего решения разорвать последнюю связь с прошлым. Ему давным-давно следовало бы сделать это, но как найти подходящие слова, чтобы от решиться от самых чистых, самых высоких отношений, которые у него когда-либо были?

Все его попытки терпели полный крах, все слова были недостойны девушки, за эти годы каким-то образом ставшей его ближайшим другом. Эви знала о нем все.

Почти все.

Вздыхнув, он оглядел почти пустую комнату. Эви знала все, кроме одного. Самого важного. И он понимал, что если может сохранить тайну в переписке, то никак не сумеет утаить ее при встрече. Единственным выходом было молчание.

Через неделю, когда мисс Дюбуа — она просила называть ее Лизетт — прибудет, чтобы увезти его, как предполагается, в большое путешествие по Европе, он сможет спокойно смотреть в глаза школьным това-

рищам и многозначительно вскидывать брови, когда они станут спрашивать, почему он решил стать спутником обольстительной, хоть и не столь молодой француженки, вместо того чтобы поступать в университет.

Когда он уведомит родителей, что уезжает на несколько лет в Европу, чтобы ознакомиться с тамошними достопримечательностями, они глазом не моргнут. А скорее возрадуются при мысли о том, что еще несколько лет не увидят своего ничтожного второго сына.

Но как только он напишет письмо Эви, в котором изложит отточенную за эти годы ложь, та, вне сомнения, сразу ее разгадает. И хотя все будет к лучшему, он не способен врать единственному человеку, перед которым фактически обнажил душу.

Он ударил кулаком по столу, с наслаждением ощутив боль. Почему сейчас? Почему приказ должно выполнить в четверг, а не двумя днями позже, когда он наконец смог бы увидеться с Эви?! Все пять лет он пытался представить, какая она: сначала противная девчонка, потом — забавный подросток, и наконец... Что же, он не знает, когда все это случилось, но последнее время его преследовали видения голубоглазой красавицы блондинки с лукавой улыбкой.

Если быть честным с собой, есть еще одна причина, по которой он должен отказаться от Эви. Она будет слишком его отвлекать, а он не может позволить себе ничего подобного. Избранная им дорога будет и без того достаточно опасна, чтобы обременять себя женщиной. Ничего не поделать. Его письмо должно быть написано таким образом, чтобы она не захотела иметь с ним ничего общего.

Бенедикт зажмурился. При одной мысли о том, чтобы ранить и, следовательно, потерять Эви, тоска перехватывала горло, а сердце словно обжигало болью.

Он решительно открыл глаза и потянулся к перу. Все к лучшему. Кроме того, как бы много она ни значила для него, он навсегда останется маленькой, безликой частью ее детства. У нее много родных, много друзей, которым она небезразлична. Через несколько месяцев она забудет о нем и займется другими делами.

Он принялся за работу. Перо летало по бумаге, с каждым жестоким словом более и более неотвратно разрывая все, что их связывало. И, зная, что Эви ничего не заметит, он тщательно составил письмо так, что во фразах, которые невозможно простить, все же содержалось нечто, дававшее надежду, если только правильно понять смысл.

Подписавшись, он отложил перо и перечитал написанное.

Все абсолютно правильно и одновременно ужасно неверно.

Глава 1

«Очень легко объявлять о непревзойденном умении всадницы, если при этом вы запретили мне приезжать в Хартфорд-Холл. Интересно, будете ли вы столь же храбры, если мне придет в голову неожиданно явиться и предложить устроить скачку?»

Из письма Хастингса к Эви

Эйлсбери, Англия, 1816

Она сделала это! Действительно сделала это! Осталось не взорваться от радости, прежде чем она сумеет с достоинством удалиться.

Закрыв дверь, Эви немедленно исполнила короткий победный танец прямо в коридоре, у отцовского кабинета.

Она в одном шаге от достижения заветной цели! Теперь остается только найти способ...

— Мама никогда этого не допустит.

Эви удивленно взвизгнула и прижала руку к заколотившемуся сердцу. Черт бы все побрал, откуда взялась ее сестрица?

— Господи милостивый, ты вознамерилась меня убить? Беатрис, когда ты усвоишь, что нельзя так подкрадываться к людям!

— Я к тебе не подкрадывалась. Ты просто меня не заметила. И, как я уже сказала...

— Я слышала, что ты сказала, — нахмурилась Эви. — Поверить невозможно, что ты высказываешься о деле, суть которого тебе неизвестна! А даже если бы что-то и знала, тебя это никак не касается.

Следовало бы помнить, что в доме, по которому шныряют три ее сестрицы, никакая беседа с папой с глазу на глаз долго секретом не пробудет. Хорошо еще, что здесь топталась только Беатрис, а не близнецы. Эви очень любила всех троих, но достаточно хорошо знала Джоселин и Каролин, чтобы сознавать: если они подслушали ее беседу с папой, к вечеру весь дом будет посвящен в подробности.

Беатрис скрестила руки на маленькой груди и ответила столь же мрачным взглядом.

— Ты — моя сестра: конечно, твои дела меня касаются. И в любом случае мама никогда не согласится на твое предложение, тем более что оно абсолютно абсурдно.

Нужно отдать Беа должное: она мгновенно уловила причину беспокойства Эви. Работая рядом с отцом

почти семь лет, Эви была почти уверена, что получит его согласие. Так оно и вышло. Но только с условием, что мать тоже одобрит. А вот это уже казалось куда более серьезным препятствием.

Эви украдкой покосилась на дверь отцовского кабинета и, не слишком нежно сжав тощий локоток Беатрис, потащила сестру по коридору. Лучше не рисковать: вдруг папа или кто-то еще их подслушает!

Втолкнув сестру в розовый салон, Эви с мягким щелчком закрыла дверь и повернулась к маленькой шпионке:

— Во-первых, мое предложение не было абсурдным, и с твоей стороны нехорошо так говорить! Во-вторых, папа абсолютно согласен с моей идеей, и, в-третьих, в шестнадцать лет уже немного не по возрасту подслушивать у замочных скважин, не считаешь?

На щеках сестры проступили светлые розовые пятна, отчего синие глаза потемнели еще больше.

— Я только проходила мимо, когда папа не слишком одобрительно и не очень тихо отозвался о твоей идее. Тебе следует признать, что столь редкое явление невольно побудило бы любого задержаться у дверей.

Тут сестра права. Не то чтобы Эви осуждала папу. Какой реакции можно ждать от любящего отца, когда дочь объявляет, что после пяти тошнотворно скучных лондонских сезонов собирается уйти с брачного рынка?

Переждав протестующие вопли и вопросы о ее возможном безумии, Эви все-таки сумела убедить его вескими и продуманными аргументами. В конце концов, нельзя начинать сражение, не подготовившись к битве.

Вздохнув, Эви подошла к стоявшему перед окнами большому дивану с цветастой обивкой, откуда открывался вид на мокрый, насквозь отсыревший сад. Унылое